

Оценка самоидентификации в венгерской социальной рефлексии.

Венгерский публицистический дискурс, посвященный осмыслению национального бытия, превосходит прочие по степени своей разработанности и обостренности. Данное обстоятельство вызвано особым местом Венгрии в европейской культурно-географической среде.

Интерес венгерских мыслителей, писателей, публицистов к проблематике ментальности своего народа, оценке его функциональности в системе западно-христианской цивилизации на протяжении нескольких веков провоцируется спецификой венгерской истории, включающей в себя и загадочное появление угротюркских племен в Центральной Европе, и неоднократный геноцид этноса в Средневековье, и национальную зависимость в течение трех веков, и перипетии XX в.

Попытка определить характер подобного рода рефлексии, дифференцировать данный дискурс на материале иного народа может оказаться плодотворной в аспекте введения в поле исследования *другого* как объекта в противоположность субъективному самоосмыслению. Дальнейшим шагом может стать установка связи между венгерским и российским текстуальными полями в свете поставленной проблемы.

Наиболее актуальным мотивом в текстах венгерских авторов послевоенного периода оказываются болезненность национального самосознания, стремление отказаться от навязчивой идентификации с этнической общностью. Декларирование ущербности, которым обладает приоритет *национального* в венгерском дискурсе, обнаруживается в текстах как писателей-реалистов (Ш.Марай, И.Кертес), публицистов-обществоведов (И.Бибо, П.Надаш), так и представителей литературного постмодернизма (П.Эстерхази). Мысль о негативной природе национального чувства у венгров имеет давнюю традицию, уходя корнями в труды Ж.Кемени, И.Мадача, Я.Вайды, то есть в XIX в. Их преемники исходят из иррациональной трактовки болезненной природы причастности к собственному народу. Страна и народ лишаются позитивного содержания, превращаясь в данность, навязываемую индивиду. Писатель Ш.Марай пишет о Венгрии как о стране, где его «никто не ждет», где у него нет «роли», «призвания» [Марай, 2002: 305].

Получая продолжение в постмодернистских текстах, идея *пустоты*, бессодержательности национального абсолютизируется, и, таким образом, этническая сопричастность лишается всякой рациональной поддержки. Так, например, П.Эстерхази полностью нивелирует *венгерское* как особую категорию национального дискурса. В то же время имеет место попытка и рационального объяснения негативного характера понятия «венгерства» (И.Бибо, И.Кертес, Б.Хамваш, Л.Немет).

Прямым следствием комплексов, порожденных негативным самосознанием венгерского народа, названные нами мыслители считают национализм.

Следующей ступенью, на которую выходят авторы, размышляющие о сущности венгерской идентичности, становится жестокость, пропитывающая национальную культуру, граничащая с варварством и дикостью. Связующей нитью между "больным" самосознанием, чувством одиночества, устойчивостью национализма и брутальностью провозглашается страх перед действительностью. Страх, исходящий от объекта, в данном случае становится частью субъективного содержания и направляется в сторону бытия как такового. Обозначенный мотив присутствует в венгерской культуре на протяжении нескольких веков и закреплён на ее ментальном уровне. Это и страх перед космосом как безграничным пространством, и страх смерти народа, и страх перед *невенгерским*, которое приобретает черты трансцендентности.

Обозначенные объекты рефлексии включаются в состав еще одной важной культуремы современного венгерского публицистического дискурса, которую можно охарактеризовать как отсутствие единства нации. Представление о разрозненности народа берет свое начало еще в XVII веке, формируясь в условиях политической раздробленности страны. Данная традиция продолжает свое бытование, питаясь геополитическими инсинуациями, в которых Венгрия неизменно пребывает на протяжении последних четырехсот лет.

Наиболее радикальным методом преодоления ощущаемого диссонанса становится нейтрализация материального содержания, лежащего внутри понятия *народа* со всеми его атрибутами. Довольствуясь идеальным субстратом *национального*, мыслители абстрагируются от исторических коллизий и от проблем корреляции культуры и государственности.

Отказ от материализации национального самосознания предстает как один из возможных вариантов переноса сферы *национального* в плоскость культуры, что, в свою очередь, сопровождает глобализационный процесс в его этническом преломлении. Постепенное исчезновение национальной специфики, происходящее на фоне политико-экономического объединения, требует идеологической подпитки. В качестве последней для отдельных народов могут выступать его ментальные установки, коррелирующие с поставленными перед ними задачами.

Приоритет *национального* в венгерской культуре, как и в иных восточноевропейских культурах, обуславливает особую роль, отводимую ментальной рефлексии. Обращение к глубинным основам национального мироощущения указывает на кризисный характер бытия этноса. Одновременно авторы апеллируют к образам и установкам картины мира, решая задачу устранения господства негативного этнического самосознания, которое является барьером на пути к национальному объединению, и, напротив, служит катализатором ксенофобии и нетерпимости.

Список литературы

- Барт И. Русским о венграх. Культурологический словарь. М., 2005.
- Бибо И. Еврейский вопрос в Венгрии после 1944 года. М., 2005.
- Дюкин С.Г. Венгерская этнокультурная картина мира (на материале литературы середины – второй половины XIX в.). Пермь, 2002.
- Кертес И. Воспрянет ли? // Венгры и Европа. М., 2002.
- Лурье С.В. Историческая этнология. М., 1998.
- Мараи Ш. Земля! Земля! // Венгры и Европа. М., 2002.
- Надаш П. Тренинги свободы. М., 2004.
- Немет Л. Письма с того света // Венгры и Европа. М., 2002.
- Эстерхази П. Записки синего чулка и другие тексты. М., 2001.

